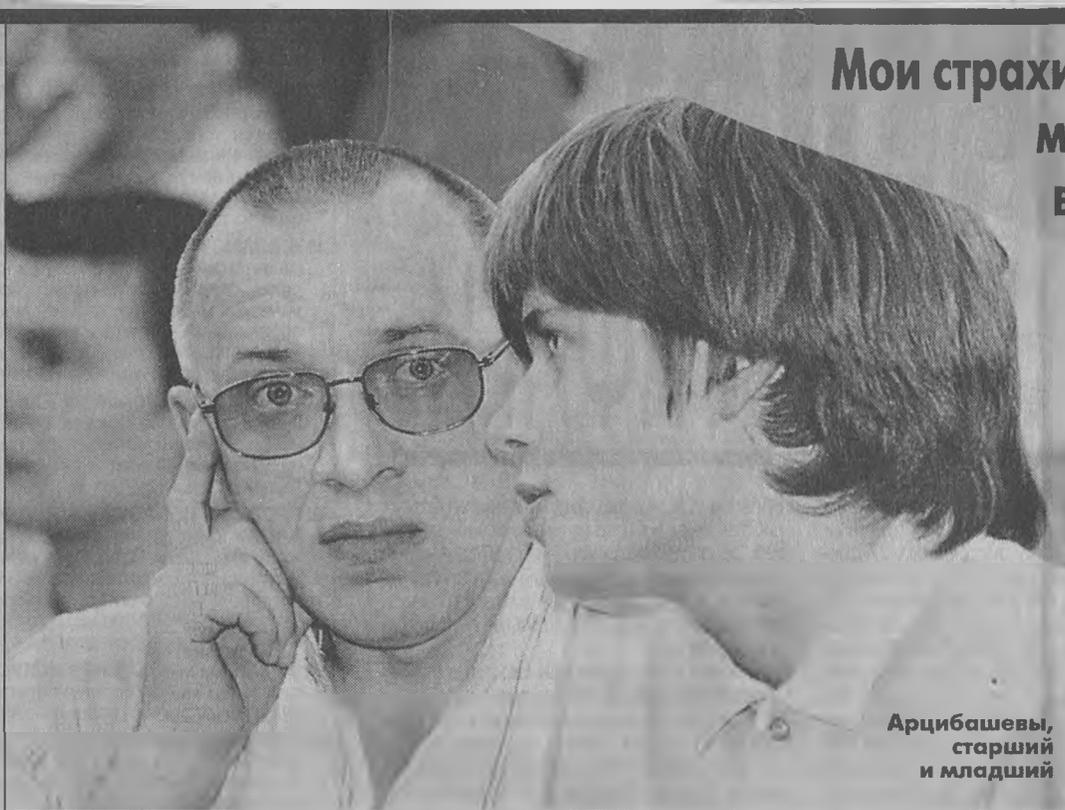

Камерная сцена собственного «Театра на Покровке» дала Сергею Арцибашеву, которому недавно исполнилось 50, не только устоявшийся авторитет, но и желание время от времени расшатывать его через постановки «на большие залы», например, для Театра сатиры, где Ширвиндт и Державин уже сходились в дуэте пересмешиков в арцибашевском «Счастливецеве-Несчастливецеве». Сейчас же критики вновь предусмотренную к юбилею Сергея Николаевича премьеру с загадочным названием «Орнифль» — в той же Сатире.

Арцибашевы, старший и младший

Екатерина ЦВЕТКОВА

Мои страхи — ваши страхи, мои комплексы — ваши комплексы

КОЛЕЯ АРЦИБАШЕВА

Вел. Москва — 2001. — 30.01. — с. 6

Ян СМЕРНИЦКИЙ

— Так ли важен для вас полувековой юбилей?

— Ну... отмечать подобные вещи принято среди людей; вот мои ощущения на сей день: режим в работе не изменился, осталось чему удивляться, осталось о чем мечтать. Однако симптомы, что большая часть жизни позади, пусть не явственно, но дают о себе знать.

— Иные и в 20 лет гордятся тем, что их ничем не проймешь.

— Они излишне самоуверенны. Бывает так, что ты полупридумашь-полусоздашь себе комфортабельную комбинацию мироздания, — она кажется устойчивой и незыблемой ровно до того момента, пока не полетит в тартарары. Поэтому требуются более или менее постоянные корректировки видения. Как в чеховских «Трех сестрах»: «Летят журавли... Может, Бог откроет тайну — почему и зачем?» Для одного человека все стыкуется, для

другого — не очень, как у Ивана Карамазова: что, мол, это за Бог, если он ребенка терзает!

— А как у вас — стыкуется?

— Дело в том, что с раннего детства я ставил себе цели. Они-то и вырвали меня на правильную колею. Быть инфантильным как-то не получалось: семья большая — родители и шестеро детей, приходилось все время работать, брать на себя груз ответственности. Я был четвертым сыном, и с меня спрашивалось за существование двух младших девочек-сестричек. Да, мое детство в поселке Калья Свердловской области отнюдь не отличалось счастьем и беззаботностью. Всегда — заботы по хозяйству, заготовка сена, дров... Лишь изредка футбол или хоккей, но и они — не так чтоб «бить мячом по стенке»; я организовывал соревнования всего поселка по каждому мячу. С этого момента и пошла режиссура. Собрал людей, объяснил им правила, напечатанные в «Пионерской правде».

Получилось восемь команд. Отрабатывали разнообразные комбинации, заботились о дублерах, кем себя заменить в случае чего... Я всегда думал о будущем. Если бы не стал режиссером, то пошел бы в тренеры или учителя.

— В качестве убеждения приходилось использовать кулак?

— Когда на моих глазах сверстники не в целях самозащиты, а исключительно ради удовольствия били людей — «Дай закурить! Нет? Гони пять копеек! Нет? Получай в морду!» — я говорил: либо не вовлекайте меня в эти «операции», либо я прекращаю с вами всякую дружбу! «Бить человека по лицу я с детства не могу», — пел Владимир Семенович. Кровавые побоища, «темные», характерные для тех лет, по счастью, меня миновали.

— Вы часто встречаете людей, найти понимание с которыми вам не удается?

— На это же надо всего несколько секунд — как это называется? Биополе? Первое ощу-

щение — самое верное, оно от Бога. Даже с утра стоишь перед выбором: что надеть? Сразу идет сигнал: белое — черное, водолазка — футболка, надо — не надо. А если нет контакта с человеком — работать становится более чем мучительно.

— И вы не разубиете сразу гордиев узел?

— Сразу — нет. Терплю.

— Вы — человек серьезный и целеустремленный. И таким были всегда. Как вы относитесь к людям праздным?

— Завидую. Особенно тем из них, кто умеет быть праздным красиво, а не просто плюет в потолок. Допустим, свободно и с юморком держит себя, не гнетется головной болью после очередного кутежа, легко продолжает дальше.

— Выходит, и у таких людей есть чему поучиться?

— Да, да, да. Единственно, все свое время они тратят на получение удовольствий, а я не могу так долго...

— Театр — не удовольствие?

— Мучение! Комплексы проблем, в котором имеет значение любая деталь, например, в каком состоянии буфет или туалет...

— А недосказанности и недоделанности себе позволяете?

— Без них не обойдешься, ведь человек лишен точных знаний, а каждое знание порождает миллион сомнений. Даже в космических проектах сверхточности добиться нельзя: наилучший КПД едва дотягивает до 30%. В театре же от всех первоначальных замыслов остается, дай Бог, 15%.

— А если кто-то поставит спектакль лучше вас?

— Через зависть получаешь допинг, нервничаешь, бежишь к себе, горя стремлением сделать лучше, прогивостоять.

— Почему вас привлекает камерность?

— Причина кроется в моей бесконечной тяге к доверительному, интимному разговору, почти один на один с собой.

— Раз вы тянетесь к такому разговору, значит, вам его не хватает?

— Я не то чтобы обделен, скорее, испытываю потребность рассказать о своих проблемах, страхах, комплексах. А поскольку мы все живем в одной среде, то мои страхи — ваши страхи, мои комплексы — ваши комплексы, мы все вопросы решаем вместе. Для меня театр — это публичная исповедь, публичное покаяние... Я не так часто хожу в церковь. А тут — всенародно... Да, чуть-чуть припрятавшись за персонажи или за обстоятельства, заданные автором.

— Вы часто в жизни ошибались?

— Да. Много раз. Может, поэтому хочу хоть отработать свои промахи, ошибки...

— Будто вы застрахованы от совершения ошибок в дальнейшем и обречены лишь на сладкое бремя замаливания былых грехов.

— Разумеется, нет. Зато теперь, поддаваясь греху, я смогу сказать, что это мой осознанный выбор, а не... эмоциональный. Греша, я готов и ответить.